

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 9 (92)

ЧЕРКЕССКИЕ МАМЛЮКИ

Связи с Черкесией, госпехи, геральдика

Обращение к материалу о черкесских мамлюках в книге К. Ривкина и О. Пинчо.

«Интересно, что и высказывания кавказцев, проживавших в мамлюкском Египте и на Ближнем Востоке нередко более откровенно демонстрируют национальную гордость.

Несмотря на то, что среди «черкесских» мамлюков были и турки, и афганцы, и армяне, и грузины, и даже монголы, и в качестве своего языка они использовали кипчакский язык тюркской группы (в продолжение традиций их предшественников, «кипчакских» мамлюков), многие из них с гордостью отмечали разницу между «черкесами», «абаза» (население северного побережья Черного моря), «румлу» (население османской Анатолии), тюрками и другими (Ayalon, 1979).

Нередко подобная гордость перерастала в этнические стереотипы (Ayalon, 1979) (Kunt, 1974) (Ayalon, 1953) – так грузинам приписывалось чрезмерное потребление вина, более высокий интеллект, крайняя жестокость и чрезмерные личные амбиции, среднеазиатские турки славились как неприхотливые и выносливые воины, лучшие стрелки из лука (например, аль-Джахиз, «Достоинства тюрков»), однако посредственные в обращении с другими видами оружия, черкесы славились своим благородством и мастерством верховой езды, но также косностью и гордыней. Такие ярконационалистические взгляды, в целом не характерные для средневекового Кавказа, были, скорее всего, спровоцированы конкурентной борьбой между мамлюкскими общинами, состоявшими из воинов разных национальностей».

(Ривкин К., Пинчо О. Оружие... С. 17).

Авторы ссылаются на издание 1979 г., в нашем распоряжении эта работа в ее первом издании: Ayalon D. Gunpowder and Firearms in the Mamluk Kingdom. L., 1956.

Вторая работа Айалона, на которую ссылаются авторы:

Studies on the Structure of the Mamluk Army // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. L., 1953 – 1954. Vol. XV/2. P. 203 – 228; XV/3. P. 448 – 476; XVI/1. P. 57 – 90.

В нашем распоряжении как эта статья (по объему – монография), так и, по сути, еще одна монография по этому же периоду:

Ayalon D. Studies in al-Jabarti: 1. Notes on the Transformation of Mamluk Society in Egypt under the Ottomans // Journal of Economic and Social History of the Orient. Vol. III. Pt. 2–3. Leiden, 1960. P. 148–174, 275–325.

Первая работа относится к периоду османо-мамлюкских войн конца XV – начала XVI в. Она содержит целый ряд источников, которые в достаточно детализированном и недвусмысленном виде преподносят нам портрет черкесской общины Египта. Эти источники не содержат информации о черкесских мамлюках этого времени как о некоей аморфной массе с включением в нее значительного числа грузин, абхазов и, тем паче, афганцев.

Напротив, они представляют нам сплоченную национальную группу именно черкесов, уроженцев Черкесии, страны на Северо-Западном Кавказе. Видный источник этой работы – Ибн Зунбуль, о сочинении которого Бартольд отзывался как о работе именно черкесского интеллектуала, ярого сторонника сохранения правящего режима черкесских султанов, назвав его «автором черкесской версии событий» османо-мамлюкской войны 1516 – 1517 гг. (Бартольд В. В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и арабского халифата. М.: «Наука», 1966. С. 63).

Вторая работа Айалона посвящена совершенно иной исторической эпохе в истории мамлюкского Египта – второй половине XVIII в. Это время, когда мамлюкский правящий слой действительно отличался значительной полиэтничностью, при общем доминировании выходцев с Кавказа: черкесов, грузин и абхазов.

Упомянутый Абу Усман ал-Джахиз автор сочинения

Своеобразна судьба этого народа, возвращенного у подножий Кавказских гор, чьи дочери – красавицы серала Великого Сеньора и чьи сыновья, попав в Египет, наследовали фараонам.

Анри Деэрэн

Deherain H. L'Egypte Turque. Histoire de la Nation Egyptienne, sous la dir de G. Hanotaux. Vol. V. Paris, 1934. P. 51.

«Послание Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остальных халифского войска» жил в IX веке и, таким образом, не имеет прямого отношения к рассмотрению тех вопросов, которыми озадачились наши авторы.

Работа Метина Кунта 1974 г. посвящена крайне интересному аспекту формирования и функционирования османской управленческой системы – привлечению капыкулу (янычар и мамлюков) в ряды профессиональных офицеров и бюрократов, а также сохранению в их среде элементов этнической и, шире, этно-региональной солидарности. (Kunt M. I. Ethnic-Regional (Cins) Solidarity in the Seventeenth Century Ottoman Establishment // International Journal of Middle East Studies. – 1974 (June), pp. 233–239).

Ривкин и Пинчо не правы, когда категорично отметили, что в кавказской историографии «обычно вовсе не рассматриваются источники более скептические по отношению к достоинствам кавказцев – Карпини, принцесса Белгиожоссо, или статья Кунта по этнической солидарности в Османской империи». (Ривкин К., Пинчо О. Оружие... С. 17, сноска 6). Автор этих строк с большим энтузиазмом воспринял выводы и наблюдения Метина Кунта и неоднократно сослался на данную статью и другие работы этого автора в своих публикациях. (История Черкесии в средние века и новое время. СПб., 2002. С. 359 – 360; в главе «Историография черкесского присутствия на Ближнем Востоке»; с. 719, 748; в главе «Черкесское присутствие в Анатолии XVI – XVIII вв.». Основная монография Кунта: Kunt M. The Sultan's Servants: the transformation of Ottoman provincial government, 1550–1650. New York: Columbia University Press, 1983.

Высокую степень сплочен-

ности черкесского сообщества в составе мамлюков отмечал на основе множества характерных примеров и самый выдающийся исследователь истории мамлюкского Египта Давид Айалон.

К сожалению, мы вынуждены констатировать, что его основополагающая статья «Черкесы в мамлюкском королевстве» не попала в поле зрения Ривкина и Пинчо.

Они опирались на другие работы Айалона, в которых анализировались общие вопросы мамлюкской истории и культуры, а также на статью Дж. Креселиуса и Д. Джапаридзе, посвященную связям грузинских мамлюков последней трети XVIII в. с Грузией. (Crecelius D., Djaparidze G. Relations of the Georgian mamluks of Egypt with their homeland in the last decades of eighteenth century // Journal of Economic and Social History of the Orient. Leiden, 2002. Vol. 45. Pt. 3. P. 320 – 341).

Действительно, численность грузинских мамлюков во второй половине XVIII в. была весьма значительной и, вполне вероятно, что таковых в этот период было больше, чем черкесов. Но эта версия уважаемых специалистов по мамлюкской истории основана исключительно на перечислении частых нарративных сведений о присутствии грузин в Египте, их многочисленности и прочее. Все другие, надо отметить, не менее частые сведения о присутствии черкесов в этот же период, ими почти полностью проигнорированы.

Мы обязательно детально рассмотрим истоки этой знаменательной историографической версии о доминировании грузин в мамлюкском правящем классе накануне вторжения Наполеона. Пока же заметим, что этнический состав мамлюкского класса во второй половине XVIII в. не имеет никакого отношения к проблематике исследования Ривкина и Пинчо.

Ривкин и Пинчо, исходя из разделяемого ими штампа о «черкесах», как некоем общем

определении воинского класса в Египте (что справедливо лишь отчасти, а у применения этого штампа есть четкие историкоэтнические границы), совершенно зря экстраполировали свое видение этнической истории мамлюков XVIII века на XIV – XV вв., когда сведения о грузинах в составе мамлюков практически отсутствуют. И это притом, что мамлюкские хронисты, а также представители султанской канцелярии имели весьма точное представление о Золотой Орде, Крыме, Черкесии, Абхазии и Грузии.

Так, за весь XV век мы располагаем только одним упоминанием об эмире абхазского происхождения и это упоминание снимает всякие домыслы на тему того, что черкесские мамлюки это вовсе, видите ли, не черкесы, а кавказцы вообще и, дескать, еще неизвестно, кого там было больше.

Это упоминание сделано Ибн Тагри Бирди и подчеркивается Д. Айалоном: «амир Хаир Бак, который был абхазского происхождения (who was of the Abkhazi race), был в ссоре с его черкесской Хушдашья». (Хушдаши – товарищи по периоду обучения в военной школе. – Прим. С. Х.). (Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. Vol. 69. Pt. 3. New Haven, 1949. P. 143).

Тем более невероятна ситуация, при которой мамлюкские чиновники и хронисты не имели бы адекватного представления о грузинах. Как пишет Поляк, «Каир был хорошо знаком с важной ролью автономного Грузинского царства в военной организации Хулагидов. В памяти каирской канцелярии Грузия (ал-Курдж) так и осталась «знатной, славной страной с храбрым и смелым населением». (Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 1. М., 1964. С. 52 – 53).

Это внимание Каира к Грузии закономерно, поскольку грузинские контингенты в составе армии иранских монголов были весьма опасным дополнительным вызовом.

ЧЕРКЕССКИЕ МАМЛЮКИ

«В нотах каирской канцелярии, — отмечает Поляк, — к «его величеству, султану Грузии» отмечались значение Грузии как убежища культурных и государственных традиций Эллады и восточного христианства («тот, кто уцелел из греческих царей», «потомок ионийцев», «наилучший из царей сирийцев»), ее военная сила (не только «защитная ограда Анатолии и Ирана», но и «мессия христовых героев»)). (Там же. С. 53).

Более того, в XV в. мамлюкское правительство было вполне в курсе того обстоятельства, что помимо картлийских царей в Тифлисе есть еще и правители полусамостоятельного типа — например, правитель «городов Сухум и Абхас», к которому также надлежит обращаться как к царю. Под последним явно понимался мегрельский мтавар Дадани, который контролировал в этот период Абхазию вплоть до Бзыби. (Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI-XVII вв.). Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1959. С. 238 — 239).

Понятно, что средневековое арабское «город» часто означало область и, в данном случае, под «городами» Сухум и Абхас в энциклопедии ал-Калкашанди надо понимать области-эриставства — Цхумское и Абхазское. (Там же. С. 238). Это не была излишняя дипломатичность, поскольку сам грузинский царь Георгий VIII в 1459 г. в послании папе римскому именовал правителя Сабедиано царем («гех»), тогда как менее влиятельные мтавары фигурировали как герцоги («dux»).

Еще раз отметим, что некоторые тезисы Ривкина и Пинчо носят излишне пафосный характер, призванный подчеркнуть национальную ограничен-

ность представителей различных, но так или иначе всех, национальных историографических сообществ Кавказа. Отчасти это утверждение носит справедливый характер, но не в меньшей степени подобная этноцентричность присуща работам подавляющего большинства исследователей России и Украины.

Итак, специально для наших уважаемых специалистов по черкесскому оружию и доспехам, предпримем экскурс в историю черкесского присутствия в Египте и Сирии в XIV — XVI вв. Будем надеяться, что предложенные к рассмотрению материалы окажутся полезным подспорьем в изучении специальных вопросов оружейоведения.

ЧЕРКЕССКИЕ СУЛТАНЫ — ВЫХОДЦЫ ИЗ РОДА БОЛОТОКО, ВЛАДЕЛЬЦЫ КНЯЗЕЙ КРЕМУХА (ТЕМИРГОЯ).

После сына Баркука Фараджа трон занял наместник Дамаска черкес Муаййад — бывший мамлюк Баркука, купленный им за три тысячи монет у черкесского работоторговца. (Muir W. The Mameluke or Slave Dynasty of Egypt, 1260 — 1517 A. D. London, 1896. P. 110—111). Такая огромная сумма была заплачена, видимо, потому, что мамлюк этот был знатного происхождения.

Согласно Бадр ад-Дину Махмуду ал-Айни (1361-1451), составившему биографию султана ал-Муаййад Шайха (1412-1420), он являлся сыном четвертого наследственного вождя черкесского племени *Карамук*. (Holt P. M. Literary offerings: a genre of courtly literature // The Mamluks in Egyptian politics and society. Cambridge University Press, 1998. P. 9). Эта арабизированная форма черкесского названия, по всей видимости, соот-

ветствует современным итальянским формам *Кремух* и *Крамук*, которые фигурируют в работах Иосафата Барбаро и Джорджо Интериано.

Около 1452 г. это княжество описано Иосафатом Барбаро (1413-1494), представителем знатного венецианского семейства, прожившим с 1436-го по 1452 г. в Тане: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремух (Cremuch). Правитель ее носит имя Бибери, что значит «богом данный». Он был сыном Кертибея, что значит «истинный господин». Под его властью много селений, которые по мере надобности могут поставить две тысячи конников. Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно купеческие караваны, проходящие с места на место. У здешних жителей превосходные лошади, сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками. Хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина». (Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина // АБКИЕА. С. 42; Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Т. 2. М., 1996. С. 143).

Во второй части своего труда Барбаро поместил интересный рассказ о том, как армия мусульман, «кричащих о смерти христиан согласно своей вере» из Персии через Шемаху и Дербент пришла на Терек, «вошла в Каспийские горы, где есть многие христиане-католики» и «на греческий манер», затем повернула в Черкессию и здесь устроили погром христианам «пока люди из Тетракоссы и Кремуха не сошлись с ними врукопашную и устроили такой грохот, как будто бы сорвалась сотня ветров». Мусульманская армия потерпела поражение и бежала «в свою страну». (Цит. по: Кузнецов В. А. Забытый Кремух // Сборник Русского Исторического Общества. № 4 (152). М.: Русская панорама, 2002. С. 207). По всей видимости, Тетракосса является искаженной формой Таркасии или Таркуссии, которая, в свою очередь, восходит в Тзаркас-Джаркас.

Интериано дает детальное описание территории и размеров Черкесии и также, как и Барбаро, выделяет внутри страны наиболее густо заселенную область *Крамук*: «Живут они деревнями и во всей стране нет [ни одного] города или укрепленного стенами места, а их самое большое и лучшее поселение — это небольшая долина в глубине страны, называемая Кромук, имеющая лучшее местоположение и более других населенная».

(Интериано Дж. Быт и страна зиков, именуемых черкасми. Достопримечательное повествование // АБКИЕА. С. 47).

Знаменитая круглая «Карта

мира» (Mappamondo) венецианского монаха Фра Мауро, созданная в соавторстве с венецианским картографом Андреа Бьянко в 1459 г., содержит если не первое, то, во всяком случае, одно из первых указаний о существовании на Северо-Западном Кавказе страны Черкесии (Circassia). (http://www.kartap2.narod.ru/m/fra_mauro.htm). Это указание на Черкессию могло быть привнесено именно Бьянко, поскольку он был не только картографом, но и опытным мореплавателем, капитаном судна, плававшим в Тану в 1437 г. (Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII — XVII в. М.: «Индрик», 2011. С. 58).

«Карта мира» Фра Мауро и Бьянко содержит предположительно самое раннее картографическое свидетельство существования княжества Кремух (Cremuch, у Фра Мауро — P. Chremuch, где P., по всей видимости, означает раус «страна, земля, область») — в центральной части Черкесии. Это название помещено между горной цепью, изображающей Главный Кавказский хребет, и Кубанью, то есть, именно в том районе, где в последующие столетия находилось Темиргоевское феодальное владение. Мы можем быть уверены в том, что это также заслуга Бьянко, поскольку власти венецианской колонии Таны поддерживали интенсивные контакты с владетельными князьями Кремуха.

Согласно наблюдениям В. А. Кузнецова, черкесское княжество Кремух, описанное Барбаро и Интериано, связано с курганными некрополями Белореченской археологической культуры. (Кузнецов В. А. Забытый Кремух // Сборник Русского Исторического Общества. № 4 (152). М.: Русская панорама, 2002. С. 210-211).

В этот археологический комплекс входит 84 кургана XIV-XVI вв., раскопанных в 1896-1907 гг. Н. И. Веселовским. (Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 2-60).

О. В. Милорадович предполагала, что «где-то около ст. Белореченской помещался центр Черкесии, где жили наиболее богатые ее представители, а Белореченский курганный могильник являлся местом их погребений». (Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV-XVI вв. // СА. 1954. Вып. XX. С. 351).

Здесь мы приближаемся к пониманию важной проблемы установления связи курганных некрополей Черкесии XIV — XVI вв. с субэтническими группами и княжествами.

В 1666 г. Челеби отметил, что территории по Убину, Афишу и Шебшу занимали хатукаевцы во главе с беим (пши) Джан-Гиреем. В распоряжении бея «обширной области Хату-

Декор мамлюкской чаши, латунь, Сирия. Период Кансава ал-Гаури (1501 - 1516).

кай», согласно Челеби, находилось «восемь тысяч хорошо вооруженных воинов». (Там же. С. 64-68). В XVI в. хатукаевцы отмечены в крымских источниках примерно в этом же районе Черкесии, сразу к востоку от жанеевцев. Соответственно, мы вправе предположить, что в XV в. расположение черкесских княжеств было таким же. А это уже выводит нас на вывод о том, что Убинский могильник XIV — XV вв. оставлен именно хатукаевцами.

Такое сопоставление определенного черкесского субэтноса и связанного с ним княжества с археологическими памятниками, предпринято в весьма убедительной форме И. А. Дружининой на примере курганного могильника Грузинка X на Абине, который, по всей видимости, связан с жанеевцами и датируется XVII-XVIII вв.». (Дружинина И. А. Об одном из локальных вариантов погребального обряда адыгов Северо-Западного Кавказа // Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 111).

Возвращаясь к Кремуху и ареалу Белореченской культуры, отметим, что они оказываются точно соответствующими княжеским владениям Кемиргой (Темиргой), которые хорошо известны по источникам XVI — XIX вв.

В XVI в. кемиргоевские князья и княжество Кемиргой (Kemurguy) фигурируют в османских источниках. (Kirzioglu M. F. Osmanlilar'ın Kafkas — Elleri'ni Fethi (1451-1590). Ankara, 1998. S. 314, 439-441). Например, упоминается кемиргуйский бей Каншук в 1583 г.

Кемиргой, кеморхи, кумиргинские черкасы часто фигурируют в документах Посольского приказа в XVII в. (Кабардино-русские отношения. Т. I. М., 1957. С. 90, 93, 97, 279 и др.).

На территории Черкесии (Circassie) на «Карте стран, прилегающих к Каспийскому морю» Гийома де Лилля 1723 г. содержится название Гумиркуй — Guemir Cui.

(<http://beroma.users.photofile.ru/photo/beroma/96077139/>

Кольчато-пластинчатый доспех с характерным черкесским гербом, XV в. См.: http://swordmaster.org/uploads/2012/turkish_armour/shirt3.jpg

ЧЕРКЕССКИЕ МАМЛЮКИ

Ал-Ашраф Сайф ад-Дин Каитбай (1468 – 1496). Кристофано делль Альтиссимо (Dell'Altissimo, Cristofano 1525–1605). Портрет Каитбея, султана Каира. Галерея Уффици, Флоренция, Тоскана. Масло, доска; 60 x 44 см. Надпись на латыни: •MAG • CAITBEIUS CAIRI • SVLTAN (Великий Каит Бей Султан Каира). Время создания: 1552 – 1568. См.: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/98/Cristofano_dell%27altissimo%2C_caitb_bey%2C_ante_1568.JPG

112955148.jpg).

Важно отметить, что сведения о Кавказе де Лиль получил от грузинского дипломата и ученого Сулхан-Саба Орбелиани. Название Guemir Cui нанесено как обозначение населенного пункта и находится на крупной реке Chasqueue, левом притоке Кубани, протекающей к западу от Лабы (Lappa). Очевидно, что это – Белая (адыгское название Схагуашэ или Шагуаша, обе формы вполне адекватно передают адыгское произношение этого гидронима и, что очень важно, такие написания исходили от русских обозревателей и знатоков региона в первой половине XIX в. – Прим. С. Х.). Гумиркуй отмечен на правом берегу Белой примерно в районе современного Белореченска. Под названием стоит комментарий: «ставка 3-х беев».

Примерно в этом же месте в 1666 г. побывал Эвлия Челеби: «На берегу реки Шагваше стоит укрепление-азбаре, в котором 300 домов. Это – пшучо, то есть резиденция бея. Властителей этого края называют сыновьями Нулабука (Инал-бека. – Прим. С. Х.) Их – семеро братьев. Самый старший из них Сахадук, следующий – Элбуздай, следующий – Эль-Мирза, следующий – Базрук, следующий – Бакук... Эти семеро братьев распоряжаются сотней благоустроенных стоянок и тысячей хорошо вооруженных отборных воинов. Из всего черкесского народа эти – самые отважные и сильные. А врагов у них весьма много. И всех они одолевают, потому что область их является труднодоступной». Темиргоевцев Челеби именует по фамилии князей – «народом болоткай». (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 73).

Сведения Челеби превосходят корреспондируются со сведениями Барбаро, версией В.

Ал-Ашраф Кансав II ал-Гаури ибн Биберди (1501 – 1516). Кристофано делль Альтиссимо. Портрет Камсон Гаури султана Египта. Около 1568 г. Галерея Уффици.

http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1d/Cristofano_dell%27altissimo%2C_camson_gauri%2C_sultano_d27egitto%2C_ante_1568.JPG

А. Кузнецова о связи Кремуха с Белореченской археологической культурой, картой Лиля, последующими источниками.

В 1808 г. Г.-Ю. Клапрот отмечал, что «кемиркуеи (кемурке) – сильный черкесский род, состоящий из пяти тысяч семей, названный татарами темиргой». (Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии // АБКИЕА. С. 240).

В 1836 г. Э. Спенсер подчеркивал, что адыгское произношение княжества Темиргой – Кемиркуей (Kemirquahee). (Spenser Ed. Travels in the Western Caucasus. Vol. I. L., 1838. P. 98).

Военный потенциал Темиргоевского княжества был еще в середине XVIII в. столь внушителен, что позволял выступить против власти крымского хана и даже одержать вверх в открытом сражении на правой стороне Кубани. 6 июня 1761 г. происходит сражение у современного Усть-Лабинска, в ходе которого победа достается темиргоевцам. (Дзамихов К. Ф. Адыги: веки истории. Нальчик, 1994. С. 91).

Темиргоевское феодальное владение под управлением княжеского дома Болотоко объединяло большую часть адыгского населения центральных районов Закубанья. Княжеские аулы Болотоковых в XVII – первой половине XIX в. располагались вдоль правого берега Белой на дистанции Майкоп-Белореченск.

Таким образом, основатель династии Болотоко, правившей в Кремухе (Кемиргое-Темиргое) жил в конце XIII – XIV вв. Соответственно, Белореченская археологическая культура оказывается неразрывно связана с эти срединным княжеством Черкесии.

Еще два черкесских султана Египта, вполне вероятно, также были представителями династии Болотоко из Кремуха.

Это два последних правителя – Кансав ал-Гаури (годы жизни 1441 – 1516; правление 1501 – 1516) и его племянник Туманбай II (годы жизни 1478

Портрет Каитбая из книги Паоло Джовио (1483 – 1552): Pauli Iovii Novocomensis episcopi Nucerni Vitae illustrium virorum: tomis duobus comprehensae, & proprijs imaginibus illustratae. Basel, 1578.

<http://www.pitts.emory.edu/woodcuts/1578Giov1/00021365.jpg>

– 1517; правление 1516 – 1517). Это предположение основано на нескольких обстоятельствах и сведениях современных источников. Во-первых, один из наиболее тонких специалистов по этнической истории мамлюков А. Поляк отметил, что власть и в Черкесии, и в черкесско-мамлюкском султанате удерживалась одним и тем же этно-социальным слоем, то есть черкесской аристократией. (Poliak A. N. Le caractere colonial de l'Etat mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or // Revue des etudes islamiques. T. 9. Paris, 1935. P. 242).

Во-вторых, Кансав ал-Гаури не был мамлюком в точном смысле этого слова, а прибыл в Каир самостоятельно в 40-летнем возрасте (и сделал быструю карьеру в том числе и по той причине, что его сестра была женой султана Каитбая). В-третьих, самое главное в этой цепи наблюдений, отца Кансава звали Биберд. (Ал-Ашраф Кансав ал-Гаури ибн Биберди. См.: Ibn Iyas al-Hanafi. Journal d'un bourgeois du Caire. Traduit et annoté par G. Wiet. T. I. Paris, 1955. P. 1).

Все вместе, с учетом происхождения Муаййад Шайха, позволяет нам предположить, что султан Кансав являлся сыном того самого Биберда, владетеля Кремуха, о котором писал Барбаро и который неоднократно упоминается в генуэзской корреспонденции. По возрасту, в 1516 г. Кансаву было 75 лет, он вполне подходит в сыновья Биберда, который правил Кремухом в 1452 г. Если наше предположение подтвердится другими источниками, получается, что Муаййад Шайх был представителем 5-го поколения династии, Кертубей (отец Биберда) – 6-го, Биберд – 7-го, а Кансав – 8-го поколения, а Туманбай – 9-го.

Интерес представляет сообщение Ибн Ийаса о том, что родственники Кансава ал-Гаури, направлявшихся, по всей видимости, через Крым в Каир, задержал крымский хан. (Ibn Iyas al-Hanafi. Journal... P. 411, 435). В общем, это говорит о недружественном характере отношений Кремухского княжества с Крымским ханством и Османами.

Внешнее сходство черкесов с итальянцами, отмеченное Барбаро, подтверждают портреты Каитбая и Кансава ал-Гаури из галереи Уффици.

Портрет Кансава ал-Гаури: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/68/Portrait_of_Al-Ashraf_Qansuh_al-Ghawri_by_Paolo_Giovio_Paolo_1483_1552.jpg.

тере отношений Кремухского княжества с Крымским ханством и Османами.

Внешнее сходство черкесов с итальянцами, отмеченное Барбаро, подтверждают портреты Каитбая и Кансава ал-Гаури из галереи Уффици.

Обращаем внимание читателя, что в восточной литературе на русском языке имя этого султана – Кансав – часто передают в виде Кансух (Кансох) и даже Кансу. На наш взгляд, наиболее приемлемой русской передачей его имени является именно Кансав (Кансау, адыгские формы Къаншъао, Къаншъау, где къан – адыг. и тюрк. «воспитанник», шъау/шъао – адыг. «сын»).

Первая часть имени представляет собой очевидное заимствование из тюркского языка, которое произошло, вероятно, в ранний тюркский период в истории Северного Кавказа, при булгарах или при хазарах. В целом виде это типичное адыгское имя, которое давалось, в том числе и представителям княжеской элиты. Например, мы можем указать здесь на Кансаука или Кансавука – владетельного князя Жана в 30 – 40-е гг. XVI в.

В линии самих Болотоковых в XVI в. турецкий источник упоминает Каншука. Кансух/Кансох в случае звонкого окончания можно считать формой, тождественной адыг. Кансу/Кансаук.

Важно заметить, что такие признанные специалисты в средневековой арабской письменной традиции как В. Сальмон и Д. Марголиус, переводчики первого издания части хроники Ибн Ийаса на английский язык, указал, что правильная форма имени этого султана именно Кансау (Kansauh), поскольку именно так точно звучит и может быть передан латинским шрифтом личный автограф Кансаука (Кансаука, Кансава), содержащийся на его персональном экземпляре Корана. (Ibn Iyas. An account of the Ottoman conquest of Egypt in the year a. h. 922 (A. D. 1516), transl. from the 3-d vol. of the Arabic chronicle of Muhammed ibn Ahmed ibn Iyas..., par W. Salmon, L., 1921. P. 1).

Портрет Туманбая II: <http://www.pitts.emory.edu/woodcuts/1578Giov1/00021516.jpg>.

Уверенность в том, что имя предпоследнего черкесского султана должно передаваться в виде Кансав (Кансау, Кансау) возрастает, когда такой признанный специалист, как Питер Хольт считает правильной передачей этого имени в виде Qansawh (Кансау). (Holt P.M. Egypt and the Fertile Crescent, 1516–1922. A Political History. N.-Y., 1966. P. 37). У Хольта эта форма употреблена и для передачи имени главы «дома» Касимийя в середине XVII в. Кансав-бея или Кансау-бея (Qansawh Bey). (Ibid. P. 81).

Это наблюдение подкрепляется формой Кансав (Kansaw) в фиксации имени мятежного черкесского бея Кансав-бея ал-Мухаммади в 1523 г. (Poliak A. N. The Feudalism in Egypt, Syria, Palestine and the Lebanon, 1250 – 1939. L., 1939. P. 66).

ЧЕРКЕСИЯ – МАМЛЮКИЯ

Раздел о Черкесии в обширном сочинении Челеби имеет очень интересное название, отражающее представления османов о связях черкесов с Египтом: «Описание огромной страны Мамелюке, то есть народа буздук, в Черкестане». (Челеби Э. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Предисловие А. П. Григорьева. Прим. и комм. А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова. Вып. 2: Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. С. 52).

Это определение Черкесии как родины большей части мамлюков появилось задолго до Челеби.

Так, в трактате «Турция» венецианец Лазарь Соранцо, время работы которого относится к последней четверти XVI в., отмечал, что турки называют Черкесию Мамлюкией. (Soranz L. Ottomanus, sive de rebus Turcicus. Hanau. 1600. P. 81).

К более раннему периоду относится краткое, но очень знаковое, описание Черкесии – ей посвящена глава XII французской страноведческой энциклопедии «Универсальная космография» («La cosmographie universelle...»), созданной по личному поручению Карла IX Андре Тевет (Andre Thevet, 1516 – 1590), француз-

ЧЕРКЕССКИЕ МАМЛЮКИ

ским путешественником и про-светителем, монахом-францис-канцем. Во время своего пу-тешествия по Османской им-перии Теве провел зиму 1551 – 1552 гг. в Египте, что, оче-видно, сильно повлияло на его представление о Черкесии:

«Liure VIII. Chap. XII. О Чиркасии (Circassie), где суще-ствовало господство царство-вание Кайтаков (Caitach), кого в древности называли меота-ми, при которых со временем менялись правители, а следо-вательно, и их название наро-да менялось тоже. И та, что сейчас называется Чиркасией, была Сарматией, или ее час-тью, которая находилась в Азии. Речь шла именно об этой стране, которая была сильна своими рабами – мамелюка-ми, которые долгое время пра-вили Египтом. Это было в то время, когда страна отпра-вила к Солдану более 38 тысяч детей, парней и других, для увеличения численности Егип-та, большая часть из которых стала мамелюками. И это мне было рассказано некоторыми мамелюками, которых я видел в Египте, из числа оставших-ся побежденными после прав-ления принца Великого Каира: имя которых [мамлюков] озна-чало на языке Сирийцев и Мо-рисков [мориски – испанское название мусульманского насе-ления, перешедшего в христи-анство после покорения аль-

Андалуса. – Прим. С. Х.] слуга или солдат. Эти бедные люди исповедовали другую религию, нежели сами персы: между ними запрещались браки, за исключением тех, кто являлся богатым и знатным. Что каса-ется одежды, то они носили белые блестящие и лощеные одеяния. Эти мамелюки были исключительно христианами и редко брали себе в компанию турков, мавров, арабов, персов, татар, даже евреев, кроме тех других, кто не разделяет их [мусульман] взглядов».

(Thevet A. La cosmographie universelle d'Andre Thevet du roy, illustree de diverses figures des choses plus remarquables veues par l'auteur. T. I. Paris, 1575. P. 271, оборот).

Автор уже самого первого развернутого описания культу-ры и быта средневековой Чер-кесии Иоанн де Галонифонти-бус (1404 г.) отмечал значи-тельную вовлеченность насе-ления Черкесии в систему сре-диземноморской работорговли и приводит два наиболее изве-стных в его время примера удачной карьеры бывших чер-кесских невольников.

Первый касается биографии его коллеги – католического архиепископа Черкесии Жана де Зихи. По происхождению он был черкесский аристократ, что объясняет нам приставку знатности. В юности он был продан, как минимум дважды:

1-й раз в Черкесии и 2-й раз – в Генуе. Он был воспитан францисканцами и совершил настолько заметную религиоз-ную карьеру, что был рукопо-ложен в Авиньоне папой Кли-ментом V в сан архиепископа Черкесии с резиденцией в Мат-реге (21 февраля 1349 г.).

(Галонифонтибус И. де. Све-дения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга позна-ния мира». Баку: «Элм», 1980. С. 18, 37).

Второй пример, который при-водит Галонифонтибус – сул-тан Египта Баркук, с которым автор был знаком лично. Вслед за этими двумя примерами пре-успевания черкесов за преде-лами своей родины Галонифон-тибус делает вывод, имеющий большое значение для понима-ния смысла черкесской исто-рии и специфических черт со-циального устройства Черке-сии: «Этот народ чрезвычай-но талантлив и способен к раз-личным делам, но не в своей собственной стране». (Там же. С. 18).

На рубеже XV и XVI вв. знание о Черкесии в Европе серьезно обогащается благо-даря выходу в свет в Венеции в 1502 г. детального и талант-ливо написанного труда гену-эзца Джорджо Интериано.

Вот две цитаты из Интери-ано на тему связи Черкесии с мамлюкским Египтом: «Большая часть проданных увозит-

Джовио, Паоло. Карта Московии. 1525 г. Фрагмент. Ксилография. Российский государственный архив древних актов. Ф. 192. Оп. 6. Д. 963. <http://rusarchives.ru/statehood/04-12-karta-moskoviya.shtml>

ся в город Каир, в Египет, и таким образом [случается], что фортуна превращает их из самых жалких крестьян на свете, какими они были, в величай-ших владык на свете и госу-дарей нашего века, а именно, в султанов, эмиров и т. п.». «Эти зихи по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить лю-дей [отличающихся] величе-ственной наружностью между мамелюками и эмирами, боль-шинство которых, как было сказано, из их племени». (Ин-териано Дж. Быт и страна зи-хов, именуемых черкесами // АБКИЕА. С. 48, 50).

Эта сильная втянутость Черкесии в систему мамлюк-ской мобилизации была отме-чена на карте Паоло Джовио, составленной им по сведени-ям Герасимова, а также по данным Интериано.

Учитывая то обстоятель-ство, что Джовио испытывал огромный интерес к мамлюк-скому Египту и Османской империи, в целом, к Востоку, мимо его внимания никак не могла пройти книга о черкесах, изданная в его городе.

Поэтому, небольшой ком-ментарий, начертанный им на карте 1525 г., (к востоку от Азовского моря), по всей ви-димости, восходит к Интери-ано: «Эта страна населена чер-кесами христианами, которые в другое время поставляли ра-бов в Каир, к великому султа-ну». («Hanc regionem habitat Circassi Christiani qui alias venales Cayrum ad magnum Soldanum portabantur»).

В разделе «Обычай черкес-ского народа», который Челе-би начал писать, но ограничи-лся кратким описанием только одного обряда, сообщается: «Прежде чем приступить к еде, выставляют деревянные сто-лы и зажигают восковую све-чу. Каждый, поклонившись восковой свече, произносит один раз: «Дану, дану маме-лук!», потом приступают к еде. После еды, также обратив-шись к свече, убирают стол. Это странное зрелище». (Че-леби Э. Книга... С. 61).

После сопоставления с опи-санием этого же обряда у Ж.-Б. Тавернье, сделанным около 1640 г., смысл становится по-нятным:

«Кроме этих двух публич-ных обрядов, — писал Тавер-нье, — они имеют другие, совершаемые частным образом каждым, в кругу своей семьи. Раз в год в каждом доме делается крест в форме молот-ка, приблизительно в 5 футов вышиною, причем обе палки, из которых он сделан, имеют тол-щину руки. Как только крест изготовлен, отец семьи ставит его в комнате рядом с дверью и, созывая всех членов семьи, дает им по зажженной свечке. Затем он первый прикрепляет свою свечку к кресту, жена его следует его примеру, а после нее идут дети и слуги. Если в семье имеются маленькие дети, не имеющие достаточно силы, чтобы прикрепить свои свечки, то отец или мать про-делявают это за них и прикреп-ляют их свечи. Если одна из свечей потухнет до того, как окончательно стгорит, это слу-жит у них пророчеством, что тот, который ее прикрепил, не доживет до конца года. Падение свечи является знаком того, что кому она принадле-жит, будет похищен; если эта свеча была прикреплена рабом, то падение ее также служит знаком того, что он или будет похищен или убежит». (Тавер-нье Ж. Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // АБ-КИЕА. С. 78).

С одной стороны, перед нами превосходная иллюстра-ция народного христианства, при котором свеча продолжа-ла восприниматься как символ души. С другой стороны, паде-ние свечи означало попадание в неволю, то есть почти навер-няка – перемещение в мам-люкский Египет. Таким обра-зом, фраза «дану, дану маме-лук» должна быть переведена с адыгского как «дэнэ, дэнэ мамелук?» и означала вопрос «где, где мамелук?».

Самир ХОТКО.

(Продолжение в следующем выпуске).

Казнь Туманбая. Из книги Андре Теве «Универсальная космография».

См.: La cosmographie universelle d'Andre Thevet... T. I. P. 37, оборот. У Туманбая и у других мамлюков художник изобразил характерные черкесские акъэ или длинные чубы на макушках. Ибн Ийас, мамлюкский хронист, современник и очевидец османского завоевания Египта: «После того, как великое множество турок собралось в Каире, они стали осматривать кварталы, улицы и рынки, и всякий раз, как они встречали людей, одетых в красные плащи и маленькие чалмы, они говорили им – «вы черкесы» – и обезглавливали их». (Ibn Iyas. An account of the Ottoman conquest of Egypt in the year a. h. 922 (A. D. 1516), transl. from the 3-d vol. of the Arabic chronicle of Muhammed ibn Ahmed ibn Iyas..., par W. Salmon, L., 1921. P. 117). О трагическом для черкесских мамлюков финале второй войны с османами и казни Туманбая Кантемир пишет очень яркими и, в то же время, исторически точными определениями. «Это зрелище объяло ужасом египтян, — пишет Дмитрий Кантемир, — но для них это было предметом тайной радости; было видно, как этот народ, который длительное время скрывал ненависть к тираническому господству черкесов, толпами бежал к Селиму и обещал ему, как и всему роду Османов, вечную верность». (Cantimir Dm. Histoire de l'Empire Ottoman ou se voyent les causes de son aggrandissement et de sa decadence. Traduite en Franois par M. de Jonquieres. T. I. Paris, 1743. P. 167).